

© 1990 г.

СЕВЕРСКАЯ О. И.

К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

«Паронимический взрыв», произошедший в языке поэзии XX в., обусловил стойкий интерес исследователей к проблемам паронимической аттракции (ПА) — семантического взаимодействия близкозвучных слов, возникающего вне зависимости от наличия между ними каких-либо этимологических связей. В 70—80-е годы теория ПА получила существенное развитие¹. Однако несмотря на широту рассматриваемого круга проблем, до сих пор отмечается диспропорция между «грамматическим» и семантическим описанием ПА, остаются практически не исследованными механизмы семантического преобразования паронимов.

Цель настоящей статьи — выявление механизма, обеспечивающего смысловое взаимодействие паронимов, и конкретное исследование содержания возникающих при ПА семантических процессов, наблюдаемых на уровне слова и высказывания и рассматриваемых в их взаимозависимости. При этом особое внимание будет обращено на взаимосвязь «грамматики» (особой «морфемики» и «синтаксиса») и семантики ПА. Материалом исследования выбраны многочисленные паронимические парадигмы усложненной структуры², выделенные в пределах микротекста.

В паронимической парадигме мы различаем слово-тему — двустороннюю единицу, обладающую звуковыми и смысловыми коннотациями и вызывающую их своим появлением в тексте³, и слова-мотивы, заполняющие эти коннотативные валентности. Структурный элемент, который, не связывая воедино семантическое содержание и эвфонию, объединяет паронимы, может быть определен как квазиморфема⁴. Подобно тому как одна квазиморфема может представлять собой пучок соответствий [10, с. 434], ее смысловое содержание определяется набором семантических признаков, которые соответствуют каждой конкретной ее реализации в слове, представленной тем или иным квазиморфом. Таким образом, квазиморфема может рассматриваться как код семантических множе-

¹ Наиболее¹ полно теория ПА представлена в работах В. П. Григорьева [1, 2]. Среди наиболее интересных исследований последних лет назовем статьи Н. А. Кожевниковой [3, 4], Ф. А. Литвина [5], Ю. М. Лотмана [6], П. Валесио [7].

² Приведем пример такой парадигмы: И я хочу вложить *персты* В кремнистый *путь* из *старой* песни. Как в язву, закаячая в стык Кремль с водой, с подковой *перстень* (Мандельштам). Такой тип ПА уже привлекал внимание исследователей (ср. соображения В. П. Григорьева о «паронимических композитах» [2, с. 251, 290] и Н. А. Кожевниковой — о «многоконсонантных словах» в усложненных звуковых повторах [3, с. 272—273]).

³ Аналогичным образом слово-тема, семантика и эвфония которого обладают «прогнозирующей силой», определяет М. Готье [8, с. 603, см. также с. 585—586].

⁴ В работах М. Готье и П. Гиро такой структурный элемент определяется как «эвфонический этимон» [8, с. 598; 9, с. 93], связь которого с ключевыми словами текста делает возможным его участие в семантической деривации. Ср. также замечание В. П. Григорьева об «этимологизировании» как «внутреннем склонении» (звукобуквенном и смысловом) паронимического «корня» [1, с. 275].

лей — элементарных единиц содержательного плана, которые, соединяясь в различных комбинациях, задают значение слова. Сказанное позволяет представить универсальную модель взаимодействия паронимов⁵ следующим образом.

Основываясь на различии между лингвистической и интуитивной членностью слова (возможностью выделить структурные отрезки, соотносимые со значением целого слова), будем говорить об общеязыковой и поэтической декомпозиции и композиции. Предполагается, что в языке для каждого слова может быть задана как операция его разбиения на морфемы (декомпозиция: $A_i \rightarrow a_1 + a_2 + \dots + a_n$), так и обратная операция, при которой соединением морфем образуется слово, причем семантика этого слова есть результат композиции смыслов его частей (композиция: $\langle a_1, a_2, \dots, a_n \rangle \rightarrow A_i$).

В поэтическом тексте эти операции определенным образом трансформируются. В условиях ПА для слова А в контексте слова В задается иная сегментация (декомпозиция): $A_n \rightarrow a + (A - a)$, где а — сегмент, определяющий звуковое подобие двух слов. Соответственно, и композиция отражает иное «склеивание» компонентов: $\langle a, A - a \rangle \rightarrow A_p$; $\langle a, B - a \rangle \rightarrow B_p$. Особая поэтическая композиция морфов и квазиморфов обуславливает и особую композицию смыслов.

Модель «декомпозиция/композиция» имеет несколько модификаций.

1. Пересмысление за счет выделения (квази-)омонимичных сегментов.

а. (1) *Ах, дикарочка, дочь Икара...* (Вознесенский)

В приведенном примере общеязыковая и поэтическая декомпозиция/композиция слов *дочь* и *Икар*, идентичны, в то время как слово *дикарочка* членится двояко: *дикарочка_с → дик-ар-очк-а*, *дикарочка_р → *д...очка - {• + Икар_с}*; в составе лексемы выделяются сегменты *доч(ь)-* и *Икар-*, омонимичные общеязыковым морфемам.

Соответственно, в тексте представлены два типа композиции слова-темы: а) (*дик-ар-очк-ау → *дикарочка_с*, (акцентируется сема «необузданный»); б) (*д...очка, ИкарУ → *дикарочка_р*, (семантема «дикий» объединяется с семой «родство» и семантемой «Икар»).

Аналогичная модификация модели представлена в следующих примерах:

(2) ...*II на лете — налет фиолетовый* (Пастернак);

(3) С осторожностью птицелова, я ловлю крылатое слово, а потом отпускаю на волю... (Мартынов).

В данном случае семантический контекст определяется семантико-синтаксической структурой высказывания, объединяющего паронимы, и не требует дополнительных мотивировок.

б. (4) Стремительный сплав *мечты* и *теорий*,... Ракета выходит на путь *метеоров* (Коган).

Слово-тема *метеор* членится двояко: *метеор_с → *метеор-0, метеор_р → *меч(ч)т- + теор-0*; при втором типе декомпозиции выделяются сегменты, квазиомонимичные корневым морфам слов-мотивов *мечта* и *теория* (чередование *ч II 0* воспринимается как допустимое).

⁵ Некоторые определения, использованные в данном разделе статьи, уточнены в результате обсуждения с С. Т. Золяном.

⁶ Этот пример анализирует и В. П. Григорьев, говоря о наличии в структуре композита «корня» и «конфикса» [2, с. 290].

Соответствие квазиморфов делает возможным переосмысление значения слова-темы: *метеор* «сплав мечты и теорий» (Заметим, что такое толкование как бы мотивируется самой моделью композиции, а именно — наложением квазиморфов).

Семантический контекст создает дополнительную мотивировку подобного переосмысления. Слова *ракета*, *стремительный*, *метеор*, *мечта*, *теория* принадлежат одному классу функционального тезауруса текста (термин М. Л. Гаспарова) (ситуация «полет в космос»). Поэтому возможно:

- а) $\begin{matrix} \text{сплаву} & \text{Г мечта} & \text{"I"} \\ & \text{L теория} & \text{J} \end{matrix} \setminus = \text{ракета и}$ б) $\begin{matrix} \text{сплаву} & \text{Г мечта} & \text{"I"} \\ & \text{L теория} & \text{J} \end{matrix} = \text{метеор.}$

В тексте представлена и такая смысловая корреляция: путь метеоров — мечта, теория же делает мечту реальностью.

Таким образом, расширение семантического контекста компенсирует как неполное звуковое совпадение сегментов лексем, так и отсутствие тесных синтаксических связей коррелирующих паронимов.

2. Переосмысление за счет выделения кодирующих сегментов.

(5) И вдругдохнул *весенний ветер сонный*... (Блок)

В приведенном примере поэтическая декомпозиция как бы добавочна по отношению к общеязыковой. При ПА в корнях *весен-*, *ветер-* выделяются омонимичные сегменты *ве-*₁ и *ве-*₂, соотносимые как между собой, так и с аналогичным сегментом *ве-*₃ корня *вечн-* (ср. корреляцию *весна* — *сны Вечности* — *ветер* в стихотворении А. Блока «Я вышел, Медленно вставали...»). Так же выделяются близкие по звучанию сегменты корней *весен-* и *сон-*. При этом различие гласных в сегментах воспринимается как допустимое чередование при огласовке «консонантной свертки» *-сн-*, позволяющей опознавать сегмент в структуре лексемы.

В поэтической композиции, таким образом, будут участвовать не только корни *весен-*, *ветер-*, *сон-* но и сегмент *ее-* {*ве-*₂, *ве-*₃, *ве-*}, соотносимый со словами *весна*, *ветер*, *вечность*, и *-сн-* {*-сен-*, *-сон-*}, соотносимый с *весна*, *сон*:

$$\begin{aligned} &\{ \text{весен-}, \text{ве-}_2, \text{ве-}_3, \text{с(о)к-} \} \rightarrow \text{весен-}_p; \\ &\{ \text{ветер}, \text{ве-}_2, \text{е-}_3 \} \rightarrow \text{ветер-}_p; \\ &\{ \text{сон-}, \text{-с(е)н-у} \} \rightarrow \text{сон-}_p. \end{aligned}$$

На основе такой композиции значение слова *весенний* обогащается семантическими признаками, привносимыми смыслами слов-мотивов [*весенний* «имеющий место весной», «навевающий сны Вечности»]; значения слов *ветер*, *ветер, сонный* приобретают коннотативные компоненты. Ср. также другие примеры из стихотворений А. Блока: Там, в сумерках *весны*, неутомный зной... Из сумрака зари — неведомые лики *Вещают* жизни строй и *вечности* огни...; А голос юный Нам пел и плакал о *весне*, Как будто *ветер* тронул струны Там, в незнакомой *вышине*... и т. п.

В случае переосмысления семантической структуры слов за счет выделения кодирующих сегментов семантический контекст предельно широк и требует обращений к ассоциативно-образному полю текста.

Таким образом, при композиционном осмыслении слова мы имеем два разных набора морфов (полученных при общеязыковой и поэтической декомпозиции/композиции), а следовательно, и два набора сем, соотносимых с одной реально представленной в тексте лексемой. Благодаря «кодированию» семантики поэтически осмысленное слово обретает свой «внутренний синтаксис», мотивированный как устанавливающимися между

паронимами отношениями семантической предикции, так и соотношением общеязыкового и поэтического смыслов.

Смысл паронимического сочетания строится по законам семантического синтаксиса⁷: признаки, определяющие слово-тему и слова-мотивы, интегрируются в единый комплекс.

(6) Над печалью нив твоих заплачу... (Блок);

(7) Иглы сосен густо и колко устилают низкие пни... (Ахматова);

(8) Спасибо тебе, стрела, ... что ты так кругла и остра (Окуджава);

(9) Утро. Туманы мутные тянутся за моря... (Соснора).

В приведенных примерах семантема слова-мотива оказывается «включенной» в значение слова-темы, согласуясь с одноименным признаком: так, *плакать* «проливать слезы от боли, горя, *печали* и т. п.»; *устилать* «плотно (*густо*) покрывать всю поверхность»; *стрела* «заостренный тонкий стержень с узкими лопастями на конце для метания из лука»; *туман* «непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами, а также загрязненный пылью, дымом, копотью и т. п.». Если смыслом определяющего слова считать набор сем (B), то смысл определяемого может быть представлен как $(a \rightarrow^* B')$, где B' — согласуемый признак. Представляется, что объединение смыслов в данном случае осуществляется по операции семантического сложения, при которой происходит соединение одноименных сем конфигураций признаков: $A (a \rightarrow B') + B (B) \Rightarrow C (a \rightarrow B)$. Иными словами, в семантической структуре сочетания ощутимо различаются два ядра, образующие конфигурацию.

Несколько иным образом осуществляется семантическая интеграция паронимов, представленная в следующих примерах:

(10) *Слетает лист* кленовый... (Самойлов);

(11) ... Нежно *теплится* детское тело (Тарковский).

В данном случае представляется возможным говорить о включении и семантических компонентов в исходную структуру, т. к. конфигурация значения определяемого слова предполагает позиции «переходящих» признаков, а в результате объединения смыслов при согласовании сем одноименных позиций образуется новая конфигурация, в значительной мере повторяющая исходную: $A (a \rightarrow \langle B' \rangle) + B (B \rightarrow \langle a' \rangle) = C (a, B \rightarrow \langle c \rangle)$, где $\langle c \rangle$ — область резонанса «переходящих» признаков. Семантическая структура такого сочетания представляет собой пучок семантем, образующих конфигурацию с акцентуруемыми «переходящими» признаками.

Аналогично может быть описана семантическая структура паронимических соответствий, компоненты которых не принадлежат объективно одной семантической системе (однако при поэтической композиции такая система может быть найдена):

(12) И *пень* оставлю *пену* В ложбине каждого двора (Пастернак), ср.: *Ленится пенье. Пьянит толпу*... (Маяковский);

(13) Все в елочках, *горбятся горы* (Мартынов).

Переходу от предметного значения к значению метафорическому соответствует операция семантического умножения, при которой «значение сопряженного текста как бы компенсирует исключение некоторых сем из результирующей конфигурации ... и незаполнение некоторых позиций при дальнейшем разворачивании полученной конфигурации» [12]. В смысле

⁷ В этой части исследования мы опираемся на положения семантической теории У. Вейнрейха [11]. В соответствии с этим используются термины «переходящие признаки» ($\langle c \rangle$), «пучок» (неупорядоченное множество: a, B) и «конфигурация» (упорядоченное множество: $a \rightarrow B$) семантических признаков.

паронимического сочетания открывается конфигуративная валентность, подразумевающая включение «переходящих» признаков, которые задаются смыслами ключевых слов текста. Это можно продемонстрировать следующими примерами:

(14) Твоя стезя, *гривастая кривая*, Не предугадана календарем! (Шветаева).

Смысл сочетания может быть представлен следующим образом: $A(a \rightarrow \neg \langle c \rangle - B(B \rightarrow \langle c \rangle) \Rightarrow C(d(\neg a \rightarrow B) \rightarrow \langle c' \rangle)$, где (d) «комета», $\langle c' \rangle$ «непредсказуемость» (ср. дальше в тексте: *ибо путь комет — поэтов путь...*).

(15) *Липы спиленные* стонут по Садовому кольцу (Вознесенский).

Предметный смысл сочетания трансформируется в метафорический, который может быть представлен как $C(a, B \rightarrow \langle c \rangle \rightarrow \langle d' \rangle)$, где $\langle d' \rangle$ «боль» — сема, согласуемая с семантемой (d) «стонать».

Нетрудно заметить, что значение слова-темы, подвергаясь семантическому стяжению [13], «вбирает» в себя признаки всех определяющих его слов-мотивов и оформляется как предикативное единство, что можно отразить в формуле: $A(a) - B(b) - C(c) \Rightarrow A(a \rightarrow b \rightarrow c)$. Это обстоятельство, равно как и то, что «слово как экспрессема — это, несомненно, своеобразная аббревиатура высказываний, а слово как экспрессоид неотделимо от высказывания, в котором оно «функционирует» [2, с. 143], позволяет поставить вопрос о соотношении семантической структуры высказывания и слова-паронима как его компонента. В этой связи для нас важным представляется утверждение У. Вейнрейха о том, что отношения между компонентами смысла слова аналогичны отношениям, возникающим в предложении [11, с. 132]⁸.

Рассмотренные в рамках единой конструкции, паронимы связаны отношениями взаимной характеристики⁹. На этом основывается эффект возникновения у слова-темы пропозициональных коннотаций, раскрывающихся через семантику коррелирующих с ним слов-мотивов. Опорный компонент паронимической парадигмы представляет собой своего рода «номинализацию» — номинативный эквивалент включающего его синтаксического целого:

(16) *Листочки*. После *строчек лис* — *точки* (Маяковский);

(17) *Искусство* — *икс*, не найденный, *искомый* (Соснора).

В последнем примере в семантической структуре слова *искусство* помимо основного компонента «творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах» представлены компоненты «неизвестная величина», «стараться найти, обнаружить» и «стремиться к новому, неизвестному», кодируемые соответствующими квазиморфами. Это позволяет говорить об ее аналогии логико-семантической структуре высказывания (например, *Искусство такое, что, открывая неизвестное, творит новый мир*). Тем самым можно предположить, что паронимической парадигме может быть поставлена в соответствие некоторая многомерная пропозиция, а каждый пароним возможно рассматривать как пропозициональный компонент, смысловую единицу, способную самостоятельно составить высказывание о том или ином аспекте обозначаемого «положения дел».

⁸ Приведенное положение У. Вейнрейха представляется возможным распространить в данном случае и на высказывание, так как в поэтическом языке оппозиция «язык/речь» в значительной мере редуцируется.

⁹ Об аналогии фонологической эквивалентности и отношений предикации пишет, в частности, Ж. Коэн [14].

Наибольший интерес представляют паронимические соответствия, включенные в полипропозитивные высказывания, а следовательно, обозначающие несколько взаимосвязанных «положений дел».

(18) Я *молю*, как *жалости* и *милости*, Франция, твоей земли и *жимолости* (Мандельштам).

«Паронимически оформленному» высказыванию соответствуют следующие пропозиции, имеющие однотипную логико-семантическую структуру:

Prop! Я молю земли и жимолости Франции.
Propa Молят о жалости и милости.

Обычно объектная валентность при предикате *молить* заполняется лексическими единицами, принадлежащими семантическому полю с инвариантом «ответное действие, связанное с каким-либо чувством» (*милость, жалость, пощада, прощение, любовь* и т. д.). В тексте эта валентность заполняется словом *жимолость*, которому принадлежность к тому же семантическому полю как бы «приписывается». При поэтической декомпозиции слова-темы выделяется квазиморф, омонимичный суффиксальной морфеме *-ость*, а также консонантный сегмент *-жмл-*, соотносящийся с сегментами *-жл-* и *-мл-* — кодами смыслов слов-мотивов; это и позволяет отнести паронимы к одному семантическому классу функционального тезауруса. Кроме того, соотнесенность корневого морфа глагола *молить* и омонимичного квазиморфа слова-темы *жимолость* «проецирует» семантическую характеристику предиката на объект (т. е. «внутренний синтаксис» семантемы «жимолость» становится изоморфным синтаксической структуре P—Obj).

В результате вычлениются следующие пропозиции:

Prop' Жимолость подобна жалости и милости.
Prop" Франция: земля и жимолость.
Prop''' Франция — живое существо, способное на ответное чувство.

Тем самым Prop₄ представляет собой своего рода «свертку» Prop' — Prop'''. «Образность» слова-темы находит поддержку в семантической структуре текста.

(19) Слово — голосу — *в голосе* рокот волн, *говор леса* и птичий высвист (Межелайтис, перевод Вл. Корнилова).

В первой части высказывания (*Слово голосу*) находит свое выражение тема анализируемого текста — инвариант множества семантических преобразований, заданных соотношением признаков «звучащая речь» и «возможность выразить себя». Дальнейшему развитию темы соответствует множество пропозиций, приписываемых второй части высказывания (*В голосе рокот волн, говор леса и птичий высвист*):

Prop₁ Голос есть рокот волн.
Prop₂ Голос есть говор леса.
Prop₃ Голос есть птичий высвист.

В тексте представлены основные классы функционального тезауруса: «мир человека» (*голос, слово*) — «мир природы» (*говор леса, рокот волн, птичий высвист*), входящие в общий класс «Вселенная». Можно предположить, что в основе семантической структуры этой части высказывания лежит оппозиция «общий язык природы»/«особый язык», полученная в результате семантического развития темы текста.

¹⁰ В данном случае значима и корреляция *земля* — *жимолость*, вторичная по отношению к основной паронимической парадигме: соотношение консонантных сегментов *-жмл-/-жл-* может соответствовать ассоциации «тело» и «душа» Франции.

Основной набор признаков, определяющих развитие темы, как представляется, отражен в семантической структуре паронимически организованных синтагмы *В голосе — говор леса*. Соотносимые квазиморфы [*го-лоср* → *го-л(о)с*, *говор* → *го-вор*, *лес* → *л(е)с*] при композиционном осмыслении взаимодействующих слов передают признаки «язык», «звучащая речь», «манера», «природное». В результате семантических трансформаций формируются значения «всеобщий язык природы», «манера речи», «речь человека», «особая речь природных явлений», соотносимые с лексемой *голос*. В семантическом контексте, уже созданном ПА, переосмысливаются и значения слов *рокот* и *высвист* (акцентируется признак «особенность речи», а также приписывается смысл «звучащая речь, имитирующая человеческую»).

Особенности семантической структуры анализируемого высказывания позволяют говорить о выделении еще одной пропозиции, «свертка» которой соответствует слову-теме *голос*:

Проп' Голос есть всеобщий язык природы, в единстве многообразия его проявлений.

Таким образом, анализ показывает, что семантико-синтаксическая структура высказывания, объединяющего паронимы, и семантическая структура слова-темы характеризуются изоморфностью.

Основываясь на том, что «текст выступает как своего рода порождающая грамматика, которая из заданного набора смысловых единиц („алфавита“), порождает „язык“» [15, с. 92], можно рассматривать ПА как компонент такого рода грамматики. Основу паронимического взаимодействия составляет «морфикон» — семантический словарь, в котором различаются «имена» и «предикаты» (квазиморфы слова-темы и слов-мотивов); заданная соотносительность квазиморфов определяет и правила семантического, а точнее — «фоно-семантического» синтаксиса¹¹. «Снятие» предикативных связей исходной поэтико-синтаксической конструкции, объединяющей паронимы и мотивирующей их значение, компенсируется «внутрисловным синтаксисом»: значение слова, участвующего в ПА, предстает как предикативное единство, которому соответствует определенная пропозициональная структура, а само это слово оказывается изоморфным не только семантической структуре текста, но и самому «положению дел», составляющему его объективное содержание.

Можно предположить, что слову-теме соответствует некоторая свернутая пропозиция (пропозиция-образ)¹², а словам-мотивам — отдельные пропозиции, ее расширяющие. Многомерность пропозициональной структуры объясняется тем, что образ представляет собой претендующее на новизну и истинность специфическое высказывание относительно некоего денотата, которым может быть «как в целом „весь мир“, так и его „бесконечно малые“...», как общий „смысл жизни“, так и частные „проявления жизни“...» [18]. Образная пропозиция, фиксирующая скрытые связи функционального тезауруса и связывающая воедино конкретно-предметный и общесмысловой уровни структуры текста, открывает путь к познанию поэтического мира: «пропозициональная семантика оказывается поверхностной структурой относительно глубинного поэтического смысла» [15, с. 56].

¹¹ Ср. рассуждения об особом «фоническом» синтаксисе в работах Ж. Коэна [14], М. Гюте [8], Р. Якобсона [16].

¹² «Образность» определяется самим принципом кодирования семантической информации, при котором «благодаря общему звуку смысл одного слова присутствует в другом и, неназванный, становится изображенным» [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев В. П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докладов и сообщений Лингвистического об-ва. Т. 5. Калинин, 1975.
2. Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
3. Кожеевникова Н.А. Об одном приеме звуковой организации текста// Проблемы структурной лингвистики. 1980. М., 1982.
4. Кожеевникова Н. А. О звуковой организации прозы А. Белого // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
5. Литвин Ф. А. Многозначность на предлексемном уровне и функционирование слова в речи // Проблемы лексической и грамматической семантики. Владимир, 1975.
6. Лотман Ю. М. О соотношении звуковых и смысловых жестов в поэтическом тексте // Труды по знаковым системам. 11. Тарту, 1979.
7. Valesio P. Paronomasia and articulation of phonological rules // Proc. of the XI Intern. congress of linguists. Bologna; Milano, 1974.
8. Gauthier M. Les equations du langage poetique. Lille, 1973.
9. Guiraud P. Structures etymologiques du lexique francais. Langue et langage. P., 1967.
10. Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme//Actes du X-e Congres International des linguistes. V. II. Bucarest, 1970.
11. Вейнрейх У. Опыт семантической теории//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
12. Лекомцева М. И. Лингвистический аспект метафоры и структура семантического компонента // Tekst. Język. Poetyka. Wrocław, 1978. S. 160.
13. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 22.
14. Cohen J. Structure du langage poetique. P., 1966. P. 220.
15. Золян С. Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ереван, 1985.
16. Jakobson R. Language in operation // Jakobson R. Selected writings. V. 3. The Hague; Paris; New York, 1981.
17. Невзлядова Е. В. О звуко-смысловых связях в поэзии // ФН. 1968. № 4. С. 32.
18. Григорьев В. П. Слово — образ — денотат: К проблеме перифразы // Н. А. Некрасов и русская литература: Тез. докл. и сообщ. межвуз. конф. Кострома, 1971. С. 124.